

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В УЗБЕКИСТАН ДО 2030 ГОДА

Абдуллаев Аброржон

Ташкентский государственный экономический университет

ORCID: 0009-0009-9145-6188

abdullaev05101959@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена оценке перспектив привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Узбекистан до 2030 года в условиях ускоряющейся структурной модернизации экономики, расширения государственно-частного партнёрства, роста «зелёной» повестки и углубления цифровых реформ. Цель исследования состоит в выявлении факторов, которые определяют не только количественный масштаб притока капитала, но и его качественный вклад в производительность, технологическое обновление, экспортную диверсификацию и формирование локальных цепочек добавленной стоимости. Методологическая база объединяет сравнительно-институциональный, структурный и проблемно-ориентированный анализ официальных и аналитических материалов 2022-2025 годов. На основе обзора литературы показано, что для развивающихся и переходных экономик устойчивый эффект ПИИ зависит от качества институтов, предсказуемости регуляторной среды, глубины финансового рынка и способности государства связывать инвестиционную политику с промышленной, инновационной и инфраструктурной стратегией. Установлено, что Узбекистан обладает значительными конкурентными преимуществами: масштабным внутренним рынком, демографическим потенциалом, реформированной валютной системой, высоким интересом со стороны международного бизнеса и существенным инвестиционным портфелем в энергетике, промышленности, логистике и сфере услуг. Вместе с тем выявлены риски отраслевой концентрации, фрагментарности инвестиционного сопровождения, недостаточной глубины внутреннего рынка капитала, а также роста условных фискальных обязательств по проектам ГЧП. Сделан вывод о необходимости перехода от модели «максимизации объёма инвестиций» к модели «максимизации качества ПИИ», предполагающей селективный отбор проектов, развитие aftercare-инструментов, внедрение KPI по локализации и технологиям, а также более тесную увязку инвестиционной политики с задачами зелёного перехода и развития человеческого капитала.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, инвестиционный климат, качество ПИИ, зелёное финансирование, инвестиционная политика, структурная модернизация.

2030-YILGACHA O'ZBEKISTONGA TO'G'RIDAN-TO'G'RI XORIJIY INVESTITSIYALARNI JALB QILISH ISTIQBOLLARI

Abdullayev Abrorjon

Toshkent davlat iqtisodiyot universiteti

Annotatsiya. Ushbu maqola iqtisodiyotni tarkibiy modernizatsiyalashning jadallashuvi, davlat-xususiy sheriklik ko'lamining kengayishi, «yashil» kun tartibining o'sishi va raqamli islohotlarning chuqurlashuvi sharoitida O'zbekistonga 2030-yilgacha bo'lgan davrda to'g'ridan-to'g'ri xorijiy investitsiyalarni (TXI) jalb qilish istiqbollari baholashga bag'ishlangan. Tadqiqotning maqsadi kapital oqimining nafaqat miqdoriy ko'lamini, balki uning mehnat unumdorligi, texnologik yangilanish, eksport diversifikatsiyasi va mahalliy qo'shilgan qiymat zanjirlarini shakllantirishga qo'shadigan sifatli hissasini belgilovchi omillarni aniqlashdan iborat. Metodologik baza 2022–2025-yillardagi rasmiy va tahliliy materiallarning qiyosiy-institutsional, tarkibiy va muammoga yo'naltirilgan tahlilini birlashtiradi. Adabiyotlar tahlili asosida shuni ko'rsatadiki, rivojlanayotgan va o'tish davri iqtisodiyotlari uchun TXIning barqaror samarasi institutlar sifatiga, tartibga solish muhitining prognoz qilinuvchanligiga, moliya bozorining chuqurligiga hamda davlatning investitsiya siyosatini sanoat, innovatsiya va infratuzilma strategiyalari bilan bog'lash qobiliyatiga bog'liq. Tadqiqot natijasida O'zbekiston salmoqli raqobatbardosh ustunliklarga: keng ichki bozor, demografik salohiyat, isloh qilingan valyuta tizimi, xalqaro biznesning yuqori qiziqishi hamda energetika, sanoat, logistika va xizmat ko'rsatish sohasidagi yirik investitsiya portfeliga ega ekanligi aniqlandi. Shu bilan birga, tarmoqlar konsentratsiyasi, investitsion kuzatuvning (aftercare) parokandaligi, ichki kapital bozorining yetarli darajada rivojlanmaganligi, shuningdek, DXSh loyihalari bo'yicha shartli fiskal majburiyatlarning o'sishi kabi xatarlar ham ko'rsatib o'tilgan. Loyiha yakunida «investitsiyalar hajmini maksimallashtirish» modelidan «TXI sifatini maksimallashtirish» modeliga o'tish zarurligi to'g'risida xulosa chiqarilgan. Bu model loyihalarni selektiv tanlash, aftercare vositalarini rivojlantirish, mahalliyashtirish va texnologiyalar bo'yicha KPI tizimini joriy etish, shuningdek, investitsiya siyosatini yashil o'tish va inson kapitalini rivojlantirish vazifalari bilan yanada uzviy bog'lashni nazarda tutadi.

Kalit so'zlar: to'g'ridan-to'g'ri xorijiy investitsiyalar, investitsiya muhiti, TXI sifati, yashil moliyalashtirish, investitsiya siyosati, tarkibiy modernizatsiya.

PROSPECTS FOR ATTRACTING FOREIGN DIRECT INVESTMENT TO UZBEKISTAN UNTIL 2030

Abdullaev Abrorjon

Tashkent State University of Economics

Abstract. This article is devoted to assessing the prospects for attracting foreign direct investment (FDI) to Uzbekistan until 2030 in the context of accelerating structural modernization of the economy, expanding public-private partnerships, the growth of the "green" agenda, and the deepening of digital reforms. The purpose of the study is to identify factors that determine not only the quantitative scale of capital inflow but also its qualitative contribution to productivity, technological renewal, export diversification, and the formation of local value chains. The methodological framework combines comparative-institutional, structural, and problem-oriented analysis of official and analytical materials from 2022-2025. Based on a literature review, it is shown that for developing and transition economies, the sustainable effect of FDI depends on the quality of institutions, the predictability of the regulatory environment, the depth of the financial market, and the state's ability to link investment policy with industrial, innovation, and infrastructure strategies. It is established that Uzbekistan possesses significant competitive

advantages: a large domestic market, demographic potential, a reformed exchange rate system, high interest from international business, and a substantial investment portfolio in energy, industry, logistics, and the service sector. At the same time, risks of sectoral concentration, fragmented investment support, insufficient depth of the domestic capital market, and an increase in contingent fiscal liabilities under PPP projects were identified. It is concluded that a transition is necessary from a model of "maximizing investment volume" to a model of "maximizing FDI quality," which involves selective project selection, the development of aftercare tools, the implementation of KPIs for localization and technology, and a closer alignment of investment policy with the goals of the green transition and human capital development.

Keywords: *foreign direct investment, investment climate, FDI quality, green finance, investment policy, structural modernization.*

Введение.

За последние годы Узбекистан занял более заметное место на инвестиционной карте Центральной Азии. После запуска широкого пакета экономических реформ в 2017 году страна последовательно либерализовала валютный режим, обновила инвестиционное и корпоративное законодательство, расширила механизмы поддержки частного сектора и сформировала более активную систему продвижения инвестиций. Согласно Investment Guide Uzbekistan, макроэкономический масштаб страны, численность населения свыше 37 млн человек, растущий внутренний спрос и стратегическое положение между крупными региональными рынками создают благоприятную основу для расширения инвестиционной активности (Government of the Republic of Uzbekistan et al., 2025).

Однако в современных условиях центральным вопросом является уже не только объём привлекаемых ресурсов, но и их экономическое качество. В научной и прикладной литературе всё более отчётливо проводится различие между «нейтральными» инвестициями, обеспечивающими главным образом приток капитала, и качественными ПИИ, которые создают технологические spillover-эффекты, стимулируют экспорт, вовлекают национальные компании в цепочки поставок и формируют устойчивые компетенции в экономике принимающей страны (Dunning, 1993; OECD, 2025). Для Узбекистана это различие особенно существенно, поскольку значительная часть крупных проектов концентрируется в капиталоемких секторах - энергетике, добывающей промышленности, инфраструктуре и химии.

Дополнительную актуальность теме придаёт ускоренное развитие механизмов государственно-частного партнёрства, прежде всего в энергетике, транспорте, коммунальной и социальной инфраструктуре. С одной стороны, это расширяет инвестиционный портфель и позволяет быстрее закрывать инфраструктурные разрывы. С другой стороны, быстрый рост проектного портфеля усиливает требования к качеству проектной подготовки, учёту фискальных рисков, контрактной прозрачности и институциональной координации (OECD, 2023).

В этой связи исследовательская задача состоит в том, чтобы оценить перспективы привлечения ПИИ в Узбекистан до 2030 года не только как функцию общего улучшения делового климата, но и как результат взаимодействия макроэкономических, институциональных, отраслевых и финансовых факторов. Цель статьи - выявить структурные драйверы и ограничения инвестиционного процесса, усилить аналитическую основу для оценки качества ПИИ и предложить меры экономической политики, ориентированные на долгосрочный мультипликативный эффект инвестиций.

Обзор литературы.

Классическая литература по международному движению капитала рассматривает ПИИ как результат сочетания преимуществ владения, локализации и интернализации; в рамках OLI-парадигмы Дж. Даннинга привлекательность принимающей экономики определяется не только ресурсной базой и ёмкостью рынка, но и качеством институтов, транзакционными издержками, предсказуемостью правил и возможностями для построения долгосрочных корпоративных стратегий (Dunning, 1993). Для переходных экономик данная логика дополняется институциональным измерением: устойчивый приток ПИИ зависит от защищённости прав собственности, эффективности правоприменения, качества государственного управления и способности государства обеспечить *credible commitment* для инвестора (North, 1990).

В более поздних исследованиях смещается акцент с вопроса «сколько инвестиций привлечено» на вопрос «какой тип развития они обеспечивают». Международные организации и академические авторы подчёркивают, что положительный эффект ПИИ не является автоматическим: он проявляется в большей степени там, где существуют развитые поставщиковские сети, конкурентная среда, человеческий капитал, инструменты финансирования роста и институциональные механизмы, связывающие инвестиционную стратегию с задачами промышленной политики и повышения производительности (OECD, 2025). Иначе даже крупные инвестиционные проекты могут оставаться анклавными, генерируя ограниченные технологические и экспортные эффекты для остальной экономики.

Отдельное направление литературы фокусируется на развивающихся странах с активной государственной модернизационной повесткой. Здесь ключевыми объясняющими переменными выступают регуляторная предсказуемость, скорость административных процедур, качество инвестиционного сопровождения, наличие специализированных агентств и прозрачность механизмов разрешения споров. В обзоре инвестиционного климата Узбекистана U.S. Department of State (2025) подчёркивается, что после 2017 года страна достигла заметного прогресса в рыночных реформах, но сохраняются отдельные проблемы правоприменения, конкуренции с государственным сектором, ограниченной прозрачности некоторых процедур и необходимости дальнейшего укрепления независимости институтов.

В литературе по Узбекистану преобладают три исследовательские линии. Первая линия посвящена общему анализу инвестиционного климата и факторов привлекательности страны. Так, Khalilova и Khalilova (2022) акцентируют внимание на правовых гарантиях, механизмах защиты инвесторов и сохраняющихся трудностях интерпретации и реализации законодательства. Umarov (2023) подчёркивает значение валютной либерализации, режима «единого окна» и развития рынка капитала, но одновременно указывает на необходимость дальнейшего углубления финансовых институтов. Shayakubov и Ochilov (2022) связывают инвестиционную привлекательность с совокупностью социально-экономических, политических и институциональных факторов, влияющих на уровень риска.

Вторая линия исследований анализирует связь инвестиционной среды с экономическим ростом и структурной трансформацией. Khasanova (2025) рассматривает инвестиции как важнейший драйвер экономического развития, однако справедливо отмечает, что наличие формальных льгот и гарантий само по себе не обеспечивает устойчивого эффекта без развитой инфраструктуры, современных инструментов оценки риска и эффективной организационной среды. Эта позиция совпадает с выводами прикладных инвестиционных обзоров, согласно которым значение приобретает не только допуск инвестора на рынок, но и качество его последующей интеграции в национальную экономику.

Третья линия литературы связана с отраслевой и инфраструктурной перспективой. Материалы JICA et al. (2022) показывают, что одной из системных проблем остаётся информационная асимметрия: для внешнего инвестора часто недостаточно сопоставимых отраслевых данных, готовых проектных предложений и понятной дорожной карты запуска бизнеса. Investment Guide Uzbekistan детализирует преимущества отдельных секторов - промышленности, сельского хозяйства, логистики, ИКТ, химии, энергетики и текстиля, - тем самым подтверждая широкий спектр потенциальных направлений вложений, но не снимая проблемы селективности и приоритезации проектов (Government of the Republic of Uzbekistan et al., 2025).

Сравнительно новым, но быстро набирающим значение сюжетом становится «зелёное» и устойчивое финансирование. OECD (2023) показывает, что для Узбекистана значительный потенциал связан с выпуском зелёных облигаций, модернизацией энергетики, повышением энергоэффективности, развитием водной и коммунальной инфраструктуры. Тем самым инвестиционная политика постепенно выходит за пределы традиционного привлечения капитала и начинает сопрягаться с климатической и технологической повесткой. Важно, однако, что для превращения такого потенциала в устойчивый поток капитала требуется не только политический сигнал, но и развитие внутренних институтов: проектного отбора, верификации, раскрытия информации и управления рисками.

Несмотря на расширение количества публикаций, в существующей литературе сохраняются три заметных пробела. Во-первых, многие работы по Узбекистану носят описательный характер и недостаточно разделяют масштаб притока инвестиций и их качественные параметры. Во-вторых, исследовательский фокус часто ограничивается общими преимуществами страны, тогда как отраслевые ограничения, риски концентрации и проблема условных обязательств в рамках ГЧП анализируются фрагментарно. В-третьих, сравнительно мало работ, которые одновременно связывали бы инвестиционный климат, развитие финансового рынка, aftercare-политику и задачи зелёной структурной трансформации. Настоящая статья направлена на частичное восполнение этих пробелов за счет интеграции институциональных и структурных подходов.

Методология исследования.

Исследование выполнено в логике качественно-количественного desk-исследования с опорой на сравнительно-институциональный анализ. Эмпирическую базу составили официальные и аналитические документы 2022-2025 годов: Investment Guide Uzbekistan (Government of the Republic of Uzbekistan et al., 2025), 2025 Uzbekistan Investment Climate Statement (U.S. Department of State, 2025), Roadmap for Sustainable Investment Policy Reforms in Uzbekistan (OECD, 2025), Financing Uzbekistan's Green Transition (OECD, 2023), материалы JICA по инвестиционному продвижению, а также отдельные академические публикации по инвестиционной среде страны.

Методологический дизайн включает четыре взаимосвязанных этапа. На первом этапе проведён контент-анализ источников для выделения повторяющихся тем: институциональные реформы, секторные преимущества, финансовые ограничения, правовые риски, инфраструктурные потребности и механизмы ГЧП. На втором этапе выполнено структурное сопоставление преимуществ и ограничений по ключевым блокам инвестиционного климата. На третьем этапе проведена аналитическая оценка качества ПИИ через призму их потенциального воздействия на локализацию, экспорт, технологии, занятость и устойчивость государственного финансирования. На четвёртом этапе сформулированы рекомендации по экономической политике до 2030 года.

Логика оценки основана не на построении эконометрической модели, а на синтезе доказательств из нормативных, статистических и программных материалов. Такой подход оправдан тем, что значительная часть информации о будущих инвестиционных траекториях носит стратегический и проектный характер. Ограничением исследования является агрегированность части доступных данных и неодинаковая степень детализации по секторам, однако сочетание официальных и аналитических источников позволяет сформировать достаточно надёжную основу для прикладных выводов.

Таблица 1.

Ключевые макроэкономические и инвестиционные ориентиры Узбекистана

Показатель	Оценка / ориентир	Аналитическое значение
Рост ВВП в 2024 г.	около 6,5%	Подтверждает высокую динамику внутреннего спроса и повышает инвестиционную ёмкость рынка.
Население	более 37,5 млн человек	Формирует крупнейший внутренний рынок в Центральной Азии и расширяет потребительский потенциал.
Приток иностранных инвестиций	около 12 млрд долл. в 2024 г.	Свидетельствует о высоком внешнем интересе, но требует оценки отраслевой концентрации и качества проектов.
Целевой объём совокупных инвестиций к 2030 г.	до 250 млрд долл.	Отражает масштаб стратегической модернизации и необходимость совершенствования механизмов сопровождения.
Целевой ориентир по доле частного сектора в ВВП	85% к 2030 г.	Указывает на переход к модели роста с более значимой ролью частного и иностранного капитала.

Источник: составлено автором по материалам *Government of the Republic of Uzbekistan et al. (2025)*, *U.S. Department of State (2025)* и *OECD (2025)*.

Анализ и обсуждение результатов.

Во-первых, анализ источников показывает, что Узбекистан уже вышел из состояния периферийной инвестиционной юрисдикции и перешёл к модели активного формирования инвестиционного предложения. Это проявляется в расширении отраслевых каталогов, развитии институтов сопровождения, продвижении конкретных проектов и более активном использовании международных форумов и роуд-шоу для привлечения капитала. В сравнении с предыдущим этапом развития улучшилась узнаваемость страны как площадки для долгосрочного бизнеса, особенно в сегментах промышленности, возобновляемой энергетики, агропереработки, логистики и ИКТ (*Government of the Republic of Uzbekistan et al., 2025*).

Во-вторых, конкурентные преимущества Узбекистана имеют комплексный характер. К ним относятся крупный внутренний рынок, относительно молодая демографическая структура, ресурсная база, геоэкономическое положение и политически поддерживаемая программа модернизации. Немаловажным фактором является и тот факт, что инвестор получает доступ не только к внутреннему спросу, но и к возможностям экспортной интеграции в более широком евразийском пространстве.

Именно сочетание рыночного и транзитного потенциала делает страну особенно интересной для средне- и долгосрочных проектов.

В-третьих, при всём положительном движении сохраняется отраслевой дисбаланс. Капитал в большей степени концентрируется в энергетике, добыче, газохимии, крупной промышленности и инфраструктурных проектах. Это объяснимо с точки зрения масштаба и окупаемости, однако такая структура не всегда обеспечивает максимальный spillover-эффект для национальной экономики. Если ПИИ слабо связаны с локальными поставщиками, ограниченно вовлекают малый и средний бизнес и не создают устойчивого спроса на квалифицированный труд, то их вклад в долгосрочную диверсификацию оказывается ниже потенциального.

В-четвёртых, особого внимания заслуживает институциональный аспект. Исследованные материалы подтверждают заметный прогресс в области инвестиционного законодательства, упрощения процедур и организационного сопровождения. Вместе с тем сохраняются проблемы неоднородности правоприменения, пересечения мандатов отдельных органов, дефицита публично структурированной отраслевой информации и ограниченной глубины механизмов aftercare. Последнее особенно важно: международная практика показывает, что значительная доля устойчивых инвестиций формируется не только за счёт «первого входа» новых компаний, но и через расширение уже действующих проектов.

В-пятых, быстрое расширение портфеля ГЧП создаёт одновременно возможности и риски. С точки зрения модернизации инфраструктуры ГЧП позволяет ускорять реализацию капиталоемких проектов при ограниченных бюджетных возможностях. Но по мере роста портфеля увеличиваются и требования к прозрачности конкурсных процедур, независимой оценке проектных рисков, раскрытию условных обязательств и координации между отраслевыми министерствами и фискальными органами. OECD (2023) и OECD (2025) фактически указывают на необходимость перехода от фазы быстрого наращивания проектов к фазе институционального созревания системы ГЧП.

В-шестых, формируется новый инвестиционный вектор, связанный с зелёной и цифровой трансформацией. Речь идёт о возобновляемой энергетике, энергоэффективности, модернизации коммунальной инфраструктуры, цифровых платформах, дата-центрах, финтехе и промышленных технологиях. Эти направления обладают высоким потенциалом внешнего финансирования, но требуют более развитого рынка капитала, прозрачных стандартов устойчивого финансирования, кадрового обеспечения и механизмов подготовки проектного pipeline. Следовательно, инвестиционная политика до 2030 года должна всё в большей степени носить координированный и селективный характер.

Результаты исследования позволяют утверждать, что на горизонте до 2030 года для Узбекистана принципиально важен переход от экстенсивной модели привлечения капитала к селективной модели повышения качества ПИИ. Иными словами, приоритетом должно стать не столько механическое наращивание общего объёма сделок, сколько формирование такого инвестиционного портфеля, который усиливает производительность, экспортную сложность, технологическое обновление и институциональную устойчивость экономики.

Первое направление политики связано с институциональной координацией. Необходима более чёткая система распределения функций между органами, отвечающими за привлечение, сопровождение и мониторинг инвестиций. Инвестор должен сталкиваться не с множественностью центров принятия решений, а с интегрированной логикой сопровождения проекта - от первичного контакта до запуска производства и последующего расширения. Практический смысл этой меры заключается в снижении транзакционных издержек и повышении предсказуемости взаимодействия с государством.

Второе направление касается внедрения критериев качества ПИИ. В систему оценки инвестиционных проектов целесообразно встроить показатели локализации, технологического обновления, формирования экспортного потенциала, числа устойчивых рабочих мест, объёма обучения персонала, экологических параметров и уровня вовлечения местных поставщиков. Такой подход позволит перейти от фискально-льготной логики к логике стратегического отбора, где государственная поддержка более тесно связана с ожидаемым мультипликативным эффектом.

Таблица 2.

Структурные преимущества и ограничения привлечения ПИИ в Узбекистан

Аспект	Преимущества	Ограничения риски
Макроэкономическая база	Высокие темпы роста, крупный рынок, благоприятная демография, растущий внутренний спрос.	Сохранение устойчивости зависит от темпов реформ, внешней конъюнктуры и качества структурной политики.
Институциональная среда	Созданы институты продвижения инвестиций, улучшены административные процедуры, действует формат «единого окна».	Сохраняются различия в правоприменении, информационные пробелы и недостаточная развитость aftercare-подхода.
Отраслевая структура	Сильные возможности в энергетике, промышленности, агробизнесе, логистике, химии и ИКТ.	Высока концентрация проектов в капиталоемких сегментах; ограничен spillover-эффект для МСП и локальных цепочек стоимости.
Финансовые инструменты	Растёт потенциал проектного и зелёного финансирования, усиливается интерес к рынку облигаций.	Внутренний рынок капитала ещё недостаточно глубок; сохраняются валютные и сроковые разрывы финансирования.
ГЧП	Позволяет ускорить реализацию инфраструктурных проектов и привлечь частный капитал в базовые отрасли.	Возрастают условные обязательства государства, повышаются требования к контрактной прозрачности и экспертизе.
Зелёный и цифровой вектор	Открываются возможности для инвестиций в ВИЭ, энергоэффективность, цифровые услуги и технологические платформы.	Требуются стандарты раскрытия информации, кадры, проектный pipeline и институциональная поддержка устойчивого финансирования.

Источник: составлено автором по материалам JICA et al. (2022), OECD (2023, 2025), U.S. Department of State (2025).

Третье направление - развитие aftercare-политики. Для Узбекистана это особенно важно, поскольку часть действующих иностранных компаний уже накопила опыт работы в стране и может стать источником реинвестиций, трансфера технологий и расширения кооперации с локальным бизнесом. Эффективная aftercare-модель предполагает систематический мониторинг барьеров действующих инвесторов, механизм быстрого реагирования, целевые программы развития поставщиков и постоянную коммуникацию между государством, инвестором и региональными властями.

Четвёртое направление связано с углублением внутреннего финансового рынка. Без развития инструментов облигационного, проектного и зелёного финансирования стране будет трудно перейти к более сложной модели инвестиционного роста, особенно в инфраструктурных и климатически ориентированных проектах. Важны не только объёмы финансирования, но и качество инфраструктуры рынка: стандарты раскрытия информации, институциональные инвесторы, долгосрочные инструменты фондирования и надёжная система управления рисками (OECD, 2023).

Пятое направление относится к реформе ГЧП. По мере расширения портфеля необходимо институционально укреплять систему предварительной проектной экспертизы, независимой оценки value for money, бюджетного учёта условных обязательств и постконтрактного мониторинга. Иначе ускорение проектного цикла может создать долгосрочные фискальные риски и снизить общественную отдачу от инфраструктурных вложений. Следовательно, зрелость ГЧП должна измеряться не числом подписанных контрактов, а качеством проектной архитектуры.

Шестое направление предполагает более тесную увязку инвестиционной политики с зелёным переходом, цифровизацией и развитием человеческого капитала. На горизонте до 2030 года именно эти блоки будут определять международную конкурентоспособность стран в борьбе за инвестиции. Для Узбекистана это означает необходимость создавать отраслевые экосистемы вокруг ВИЭ, промышленной энергоэффективности, умной логистики, инновационных технологий, ИКТ-услуг и прикладной инженерной подготовки кадров. Без такого сопряжения даже значительный приток капитала может остаться слабо встроенным в стратегию долгосрочной модернизации.

Таблица 3.

Приоритетные меры повышения качества ПИИ до 2030 года

Направление	Содержание меры	Ожидаемый эффект
Институциональная координация	Оптимизация функций инвестиционного продвижения, укрепление принципа «единого окна», цифровой мониторинг проектов.	Снижение транзакционных издержек и рост предсказуемости для инвестора.
Критерии качества ПИИ	Введение KPI по локализации, технологиям, занятости, экспорту, обучению кадров и ESG-параметрам.	Рост мультипликативного эффекта инвестиций и более точный отбор проектов.
Aftercare и реинвестиции	Поддержка действующих инвесторов, развитие программ поставщиков, систематическое выявление барьеров.	Расширение реинвестиций и углубление локальных цепочек добавленной стоимости.
Финансовый рынок	Развитие рынка облигаций, проектного и зелёного финансирования, усиление стандартов раскрытия информации.	Увеличение доступности долгосрочного капитала и снижение валютных рисков.
Реформа ГЧП	Единый реестр обязательств, независимая экспертиза, прозрачность контрактов и мониторинг исполнения.	Снижение фискальных рисков и повышение эффективности инфраструктурных вложений.
Зелёный и цифровой фокус	Приоритетные стимулы для ВИЭ, энергоэффективности, ИКТ, логистики и инженерных компетенций.	Ускорение структурной модернизации и повышение международной конкурентоспособности.

Источник: разработано автором.

Выводы и предложения.

Проведённый анализ подтверждает, что перспективы привлечения прямых иностранных инвестиций в Узбекистан до 2030 года в целом остаются благоприятными. Страна располагает сочетанием факторов, которые делают её привлекательной для международного капитала: растущий рынок, демографический потенциал, геоэкономическое положение, модернизационная повестка и прогресс в сфере рыночных реформ. Наиболее перспективные направления сосредоточены в промышленности, энергетике, логистике, агропереработке, цифровых сервисах и инфраструктуре. Вместе с тем устойчивость инвестиционного роста будет зависеть от того, удастся ли перевести инвестиционную политику из режима количественного расширения в режим качественной селекции. Ключевые вызовы связаны с отраслевой концентрацией проектов, неоднородностью институциональной среды, ограниченной глубиной рынка капитала и ростом обязательств в рамках ГЧП. Поэтому в центре государственной политики должны находиться качество институтов, развитие aftercare-механизмов, стандарты оценки общественной и технологической отдачи проектов, а также увязка инвестиционной стратегии с задачами зелёной и цифровой трансформации. Таким образом, на горизонте до 2030 года конкурентоспособность Узбекистана в борьбе за ПИИ будет определяться не только льготами и общим улучшением деловой среды, но прежде всего способностью государства формировать предсказуемую, координированную и ориентированную на результат инвестиционную экосистему. Именно такая экосистема позволяет превращать приток капитала в фактор структурной модернизации, повышения производительности и долгосрочного устойчивого развития.

Литература/Адабиётлар / References:

- Dunning, J.H. (1993) *Multinational enterprises and the global economy*. Addison-Wesley.
- Government of the Republic of Uzbekistan, Ministry of Investment, Industry and Trade, Invest Uzbekistan and PwC (2025) *Investment Guide Uzbekistan*. PwC.
- Japan International Cooperation Agency, Anderson Mori & Tomotsune and 3R (2022) *Preparation of the investment guidebook of Uzbekistan and information gathering and surveys regarding investment promotion activities: Final report*. JICA.
- Khalilova, M.E. and Khalilova, Z.E. (2022) 'Attracting foreign investment to Uzbekistan: Challenges and prospects', *European Science*, 4(60), pp. 16–21.
- Khasanova, Y.M. (2025) 'The impact of the investment environment on economic development', *American Journal of Business Management, Economics and Banking*, 43, pp. 66–69.
- National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan (2025) *Official bulletins on foreign investments and loans in fixed capital*.
- North, D.C. (1990) *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge University Press.
- Organisation for Economic Co-operation and Development (2023) *Financing Uzbekistan's green transition: Capital market development and opportunities for green bond issuance*. OECD Publishing.
- Organisation for Economic Co-operation and Development (2025) *Roadmap for sustainable investment policy reforms in Uzbekistan*. OECD Publishing.
- Shayakubov, S.S. and Ochilov, B.B. (2022) 'Theoretical fundamentals of improving the investment environment attractive in reducing investment risks', *Texas Journal of Multidisciplinary Studies*, 7, pp. 54–59.
- Umarov, I. (2023) *Analysis of the current state of creation of a favorable foreign investment environment in the Republic of Uzbekistan*. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.8002832>
- U.S. Department of State (2025) *2025 Uzbekistan investment climate statement*. <https://www.state.gov/reports/2025-investment-climate-statements/uzbekistan/>
- «Стратегия Узбекистан-2030» (no date) Available at: <https://uzbekistan2030.uz/ru>